

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ *

М. Е. НАЙДЕНОВ

Развертывающаяся на страницах журнала «История СССР» дискуссия о периодизации истории советской исторической науки, несомненно, является событием большого научного значения.

Одна из особенностей творческого подъема, переживаемого советской историографией после исторического XX съезда КПСС, состоит в пробуждении у историков интереса к таким научным проблемам, которые в течение последних десятилетий почти совсем не привлекали их внимания. За пять послесъездовских лет творческая мысль советских ученых выдвинула десятки таких новых проблем. Одной из них является история самой советской исторической науки. Включение этой проблемы в ряд задач, подлежащих незамедлительному разрешению, является закономерным результатом всего предшествующего развития советской историографии и одним из показателей ее творческого подъема. За сорок с лишком лет историческая наука в нашей стране прошла сложный путь, характеризующийся бесспорными достижениями, поднявшими ее на небывалую высоту. На этом пути были не только успехи, но и неудачи, не только достижения, но и ошибки.

Чтобы правильно наметить очередные задачи развития науки, чтобы наиболее целесообразно использовать творческие силы историков и добиться быстрого продвижения вперед, советская историческая наука должна изучить свою собственную историю. Насущную необходимость этой работы теперь признают почти все историки. Однако пока лишь немногие из них на деле приступили к ее осуществлению. В этих условиях выступление акад. М. В. Нечкиной со статьей, посвященной периодизации истории советской исторической науки, приобретает исключительно важное значение, ибо оно переносит вопрос из области разговоров в плоскость практических решений. Правда в шумном гомоне одобрения инициативы, проявленной акад. М. В. Нечкиной, приходится слышать и голоса скептиков. О значении периодизации для построения истории советской исторической науки они говорят не иначе, как в ироническом смысле, а самую дискуссию склонны рассматривать как обстоятельство, которое может лишь задержать развертывание практической работы, потому-де, что по вопросам периодизации имеется столько же мнений, сколько историков, и что любое обсуждение этих вопросов останется бесплодным. Но думается, что скептики не правы. Если среди историков действительно

* Печатается в порядке обсуждения вопроса о периодизации истории советской исторической науки. (См. №№ 1, 3—6 журнала «История СССР» за 1960 г.).

имеется такая разногласия во мнениях, то тем более необходима дискуссия, так как нужное для практической работы единство взглядов может быть достигнуто лишь в ходе широкого творческого обсуждения. Иного пути нет, и М. В. Нечкина сделала доброе дело для науки, открыв статью дискуссии на страницах журнала «История СССР».

В настоящее время построение периодизации истории советской исторической науки представляется делом чрезвычайно сложным и трудным. Всякий исследователь, принимающийся за разрешение этой задачи, не может не сознавать противоречивости своего положения. Ведь научно обоснованную периодизацию любого процесса можно дать лишь на базе более или менее глубокого знания характеризующих его фактов. Между тем, что касается развития советской исторической науки, то мы пока такого рода знанием не располагаем, так как научно-исследовательская работа в этой области стала разворачиваться лишь в самое последнее время. Поэтому в данный момент можно дать лишь предварительное решение этой проблемы. Несомненно, что это решение, по мере накопления фактических знаний, будет исправляться и уточняться. С другой стороны, периодизация именно для того и нужна, чтобы выявление и осмысление фактического материала с самого начала было подчинено определенной системе, чтобы в этой большой работе исследователь имел нечто вроде путеводной нити. Таким образом, периодизация в одно и то же время является и обобщающим итогом и исходным моментом научно-исследовательской работы.

Исходя из этих соображений, быть может, теперь, когда мы лишь приступаем к серьезному изучению истории своей собственной науки, выяснение некоторых общих принципов периодизации имеет большее значение, чем установление тех или иных хронологических рамок отдельных этапов, которые впоследствии не так уж трудно будет изменить. Эти принципы тесно связаны с рядом серьезных методологических проблем, имеющих важнейшее значение для изучения самого конкретного исторического процесса развития науки. Поэтому-то М. В. Нечкина добрую половину своей статьи посвятила именно этим общим вопросам. К сожалению, не все они поставлены в статье с должной четкостью и рассмотрены всесторонне; решение же некоторых из них вызывает возражения.

М. В. Нечкина безусловно права, утверждая, что «критерии для выделения фактов, знаменующих переход от одного периода к другому, должны быть почерпнуты в собственном развитии науки, внутренне принадлежать ему»¹. Однако выдвинутый ею принцип периодизации не содержит конкретных указаний о том, какими свойствами должны обладать эти факты, какими критериями надлежит руководствоваться, разделяя непрерывный процесс развития науки на этапы и периоды. М. В. Нечкина подчеркивает лишь ту мысль, что «принцип периодизации должен, очевидно, обладать известной разносторонностью, отражать главные стороны развития исторической науки». Следовательно, хронологические грани между различными этапами или периодами образуют те изменения, которые происходят в развитии «главных сторон» процесса, каковыми, по мнению М. В. Нечкиной, являются: общая концепция исторического процесса, связанная с ней проблематика, приемы исследования и источники. М. В. Нечкина упускает из виду то важное обстоятельство, что в развитии этих сторон не может быть полной синхронности; история науки знает немало случаев, когда концепция претерпевала глубокие изменения, между тем как характер и состав источников оставались еще в течение продолжительного времени в основном неизменными, и, наоборот, в научный оборот вовлекались в значительном числе новые источники, а концепция не переживала серьезных изменений. Очевидно, что при отсут-

¹ М. В. Нечкина. К вопросу о периодизации советской исторической науки. «История СССР», 1960, № 1, стр. 81. В дальнейшем ссылки на страницы этой статьи приводятся в тексте.

ствии синхронности в изменениях, претерпеваемых различными сторонами процесса развития исторической науки, руководствоваться при его периодизации принципом, который «должен обладать известной разносторонностью», попросту невозможно. Кроме того, этот принцип изложен М. В. Нечкиной так неопределенно и уклончиво, что трудно даже уяснить характер требований, предъявляемых к исследователю. Правда, М. В. Нечкина указывает, что «переход из одного периода в другой ознаменовывается значительными сдвигами в дальнейшем развитии и обогащении марксистско-ленинской концепции исторического прошлого, в расширении и углублении исследовательской проблематики, распространении ее на новые области данной науки, в осознании и раскрытии новых проблем, в пересмотре и критике устаревших положений, освоении новых приемов исследования и новых исторических источников» (стр. 81). Но и это пояснение не дает ответов на поставленные вопросы. Ведь выражение «значительный сдвиг» тоже никак нельзя считать определенным, и то, что один историк может рассматривать как «значительный сдвиг», другому покажется малосущественным изменением.

Но самый большой недостаток принципа периодизации, выдвинутого М. В. Нечкиной, состоит, по нашему мнению, в том, что он полностью игнорирует острую идейную борьбу, в обстановке которой развивалась советская историография и которая являлась отражением борьбы классов в советской исторической науке.

Если руководствоваться принципом М. В. Нечкиной, то едва ли можно найти в истории советской исторической науки более одного рубежа, разделяющего ее на два периода. Мы имеем в виду середину 30-х годов, когда в развитии советской историографии произошел очевидный для всех глубочайший сдвиг. Что же касается граней, находящихся внутри каждого из этих периодов, то определить их совершенно невозможно.

Лучшим подтверждением правильности этого вывода является содержание той части статьи, где автор выдвигает свою периодизацию истории советской исторической науки. Ведь М. В. Нечкина так и не смогла выделить этапы внутри второго периода. Что касается первого периода, то его удалось разделить на два этапа лишь благодаря отступлению от собственного принципа. В самом деле, и в 1922 г. и в 1924 г. в советской историографии господствовала одна и та же историческая концепция, разрабатывался примерно один и тот же круг проблем, привлекались в основном одни и те же источники (имеется в виду их характер), применялись одни и те же методы исследования, между тем 1922 г. отнесен к первому этапу, тогда как 1924 г. — ко второму. Выделение 1923 г., как грани между этими этапами, совершенно не мотивировано в статье.

Принцип периодизации, выдвинутый М. В. Нечкиной, не содержит никаких определенных критериев, руководствуясь которыми можно было бы выявить этапы, действительно пройденные советской исторической наукой. Он создает простор для всякого рода субъективистских решений этого важного вопроса.

Очевидно, нужен иной принцип для выявления граней между различными этапами в развитии исторической науки. Нет нужды брать множество фактов, характеризующих разнообразные стороны этого процесса. Вероятно, достаточно взять лишь те из них, которые наиболее рельефно характеризуют содержание новых явлений, возникших в ходе развития науки. Время же возникновения этих явлений — или, точнее, время, когда эти новые явления начинают играть решающую роль в развитии науки, концентрируя, как в фокусе, все наиболее существенные стороны этого процесса, — и является той хронологической гранью, которая отделяет предшествующее развитие от последующего. Такое значение, несомненно, имеют, например, факты появления новых идейных противников советской историографии.

Советская историческая наука возникла и развивалась в ожесточенной борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, ей пришлось вести напряженную и длительную борьбу против извращений исторической действительности в духе буржуазно-националистических концепций, против вульгаризаторства и упрощенчества школы М. Н. Покровского и т. п. Именно в этой борьбе получила свое дальнейшее развитие общая концепция, углублялась разработка старых проблем, выдвигались новые проблемы, вводились в научный оборот новые источники и т. д. и т. п. Все, чем располагает ныне советская историография, было завоевано ею в острой идейной борьбе. Поэтому периодизация этой борьбы и есть периодизация истории советской исторической науки. Из сказанного выше отнюдь не следует, что никакие другие факты, характеризующие ту или другую сторону процесса развития советской исторической науки, не должны приниматься во внимание при ее периодизации. Как раз наоборот, должны учитываться все известные факты, но рассматривать их нужно через призму тех явлений, которые признаны определяющими по своему значению.

Говоря об общих принципах периодизации истории советской исторической науки, нельзя обойти молчанием и факторы, влияющие на ее развитие. М. В. Нечкина рассматривает процесс развития исторической науки в нашей стране изолированно от других сторон жизни советского общества. Правда, она указывает, что «принадлежа к советской культуре, т. е. имея отношение к надстроечным явлениям советского общества, периодизация эта, как уже сказано, должна быть соотнесена с развитием базисных явлений истории советского периода» (стр. 81). Но мысль о том, что развитие экономического базиса, в конечном счете, обуславливает развитие исторической науки, выраженная в столь сложной форме, не получила никакого преломления при решении конкретных вопросов периодизации. Двукратное упоминание в статье некоторых моментов экономического развития страны не меняет положения, так как носит чисто формальный характер. «Успехи строительства, план ГОЭРЛО, образование Союза Советских Социалистических Республик, развертывание реконструкции народного хозяйства — все это, — пишет М. В. Нечкина, — толщило работу историков, требовало ее органического включения в общий гигантский труд советского народа по утверждению революционных завоеваний, продвижению культурной революции» (стр. 88).

Как видим, здесь ничего не сказано ни об укреплении социалистического уклада в народном хозяйстве, ни о развитии социалистических производственных отношений, ни о тех глубоких сдвигах, которые происходили в расстановке классовых сил и т. д. и т. п. А ведь именно на этой основе формировалась и развивалась политическая и идеологическая надстройка, через посредство которой советская историография испытывала влияние экономического развития. Вместо этого автор пишет о плане ГОЭЛРО. Принятие его имело огромное значение для молодой Советской республики. Однако проведение прямой связи между этим фактом и развитием исторической науки является, по нашему мнению, упрощенчеством. В другом месте в статье говорится: «Уже завершалось построение фундамента социалистической экономики в Советской стране, успешно протекала борьба за коллективизацию сельского хозяйства. Уже собирались XVI и XVII съезды партии, были подведены итоги первой пятилетки, выполненной в четыре года, был заслушан доклад о втором пятилетнем плане, была взята установка на завершение реконструкции народного хозяйства. Близилась победа социализма в СССР. Историческая наука в этих условиях должна была продвинуться вперед» (стр. 89). И здесь мы не находим указания на самое главное — что с победой социализма буржуазная идеология лишилась своей социально-экономической основы. Именно поэтому первая половина 30-х годов оказалась временем окончательной гибели буржуазной и мелкобуржуазной историографии в нашей стране.

М. В. Нечкина рассматривает историю советской исторической науки, по существу, вне связи с положением на идеологическом фронте и политикой Советского государства. Неправомерность такой изоляции едва ли нужно обосновывать. Укажем лишь на то, что советская историческая наука, открыто вставшая на сторону рабочего класса, не могла быть в стороне от тех политических задач, которые осуществлял этот руководящий класс на различных этапах борьбы за построение социализма и коммунизма. Точно так же, будучи составной частью идеологического фронта, она не могла не испытывать на себе влияния тех процессов, которые происходили в идеологии в различные периоды жизни советского общества. В результате целый ряд моментов из истории развития советской исторической науки, имеющих прямое отношение к проблеме периодизации, не получил в статье должного освещения. Так, в ней ни разу не упомянута эсеро-меньшевистская историография, борьба против которой имела исключительно актуальное значение в первые годы Советской власти. В такой мелкобуржуазной стране, какой была тогда Россия, имелась весьма солидная социально-экономическая основа для существования мелкобуржуазной идеологии. Эсеро-меньшевистская историография проявляла большую активность, выступая в первую очередь по вопросам, имевшим тогда наибольшую политическую остроту. Достаточно вспомнить сборник материалов «Октябрьский переворот» под редакцией и со вступительной статьей Н. А. Рожкова, вышедший в 1918 г., эсеровский сборник «Год русской революции», изданный тогда же, «Записки о революции» Суханова и др. Именно поэтому подавляющее большинство работ В. И. Ленина, относящихся к послеоктябрьскому периоду, не только в политическом, но и в научном плане заострены в первую очередь против меньшевиков и эсеров.

В обсуждаемой статье очень глухо сказано о значении для развития советской исторической науки той борьбы, которую вела КПСС против троцкистов и правых капитулянтов. Ничего не говорится и о сменевховстве, с которым были связаны попытки буржуазной историографии перейти в наступление, проявившиеся, в частности, в переиздании ряда книг Кареева, Хвостова, Виппера, Лаппо-Данилевского и др. по социологии и теории исторического процесса. Касаясь вопроса связи исторической науки с экономическими, политическими и идеологическими факторами общественной жизни, мы совсем не хотели сказать, что периодизация экономической или политической истории советского общества должна автоматически переноситься и в историю исторической науки. Речь идет о том, что рассмотрение конкретных фактов, характеризующих развитие исторической науки, в свете тогдашних событий на экономическом, политическом и идеологическом фронтах (или, употребляя выражение М. В. Нечкиной, «соотнесение» исторической науки с этими факторами) поможет выделить явления, которые наиболее полно отражают новое в науке и определяют хронологические рамки периодов и этапов, т. е. служат верстовыми столбами на длинном пути развития советской историографии.

Вызывает ряд возражений и концепция истории советской исторической науки, изложенная в статье М. В. Нечкиной. Исходным моментом этой концепции является следующий тезис: «Советская историческая наука возникла не на «пустом месте» и не начала все строить заново, а смогла опереться на значительные результаты предшествующей исторической работы. Советская историческая наука является продолжением ленинского этапа в развитии исторической науки, этапа начавшегося еще в половине 90-х годов прошлого века» (стр. 81—82). Действительно, к моменту возникновения советской исторической науки марксистская историография доживала седьмой десяток своего существования. К этому времени она располагала не только собственной исторической теорией, но и основательно разработанной методологией и концепцией всемирной

и русской истории. Около четверти века просуществовала марксистская историография и в России. Творчески развивая марксистскую теорию, В. И. Ленин обогатил ее новыми открытиями. Именно он создал законченную марксистскую концепцию русского исторического процесса. Значение этого ленинского вклада было столь велико, что когда советские историки смогли составить о нем более или менее ясное представление, они единодушно признали В. И. Ленина основоположником советской исторической науки. И тем не менее писать, что «советская историческая наука после Великой Октябрьской революции 1917 г. получила уже тогда огромный ленинский вклад и начала свою работу, опираясь на него» (стр. 82. Подчеркнуто мной — М. Н.) т. е., что советская историография уже в то время восприняла ленинскую методологию и ленинскую концепцию русской всемирной истории, — значит упрощать реально происходивший процесс становления и развития советской исторической науки.

В действительности ничего подобного не было. Чтобы убедиться в этом, достаточно поставить простой вопрос: кто мог опираться на ленинский вклад, скажем, в 1917—1918, 1919 гг., да и еще в течение ряда лет? Буржуазные ученые не могли — потому что ленинская методология, ленинская концепция русской истории противоречили их классовым интересам и всему их миропониманию. Да они и не знали ленинского вклада.

Большую сложность представляет решение этого вопроса в отношении историков-марксистов. В первые годы Советской власти профессиональные историки, стоявшие на марксистских позициях, исчислялись единицами. Правда, Советское государство принимало энергичные меры для подготовки историков новой формации. Но сколь бы эффективны ни были эти меры, требовалось немало времени для того, чтобы вырастить в нужном числе научных работников. Историки-марксисты тоже не могли сразу начать работу, опираясь на ленинский вклад. Они должны были сначала овладеть этим вкладом, что представлялось делом совсем не легким. Нельзя упускать из виду то в высшей степени важное обстоятельство, что в первые годы Советской власти они могли знать в лучшем случае лишь отдельные ленинские работы, но они не знали тогда В. И. Ленина как историка, создавшего законченную концепцию русского исторического процесса. И в этом нет ничего удивительного. Ведь подавляющее большинство ленинских работ, как известно, было опубликовано в нелегальных изданиях и потому практически стало доступным лишь после выхода в свет первого и в особенности второго издания сочинений В. И. Ленина. А не зная этих работ, историки-марксисты, разумеется, не могли иметь должного представления о В. И. Ленине как ученом вообще, как историке в частности. Это ясно видно из ряда книг. В 1923 г. была издана небольшая работа В. И. Пичеты «Введение в русскую историю», носящая характер историографического очерка. В этой книге В. И. Ленин упоминается лишь как автор «Развития капитализма в России». Автор другой историографической работы («Русская история в освещении экономического материализма», 1922 г.) — она же автор разбираемой здесь статьи — вообще не упоминает о В. И. Ленине. В книге говорится лишь об Ильине, причем ему уделяется всего несколько страничек. Примечателен и тот факт, что М. В. Нечкина, тогда совсем еще молодой исследователь, студентка Казанского университета, рассматривает автора «Развития капитализма в России», как одного из представителей экономического материализма. Да что говорить об этом, когда даже тогдашний глава исторического фронта, историк-большевик М. Н. Покровский, лично знавший Владимира Ильича и несомненно в свое время читавший большую часть его работ, и тот толком не знал В. И. Ленина как историка. Об этом, между прочим, красноречиво свидетельствуют выступления Покровского о Ленине, относящиеся к более позднему периоду, чем указанные выше книги.

Надо сказать, что освоение ленинского вклада историками-марксистами тормозили скрытые враги ленинизма, занимавшие тогда видное положение в партии и советском государственном аппарате. Изображая себя соратниками В. И. Ленина, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Преображенский и др. говорили о нем лишь как о революционном практике, замалчивали его огромные заслуги в развитии марксистской теории. Вместе с тем они издавали и широко популяризировали свои собственные книги, в которых под сурдинку извращали ленинизм, в том числе и ленинские взгляды на русскую и всемирную историю. Таково было действительное положение дел на историческом фронте в первые годы Советской власти.

Не удивительно поэтому, что в 1920—1923 гг. в советской исторической науке утвердилась не ленинская концепция русского исторического процесса, а историческая концепция М. Н. Покровского, которая была хорошо известна историкам по получившей широкое распространение книге «Русская история в самом сжатом очерке» и другим работам.

Остановимся теперь на самой периодизации истории советской исторической науки, предложенной М. В. Нечкиной.

Положение М. В. Нечкиной о том, что большие периоды в развитии советской историографии совпадают с основными периодами в истории Советской страны, бесспорно, так же как бесспорным является указание на недостаточность выделения одних лишь крупных периодов и необходимость более дробной периодизации. При этом вполне очевидно, что она должна строго укладываться в границы крупных периодов. Но в статье М. В. Нечкиной это правило не соблюдено. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить хронологические грани периодов и этапов

<i>Периоды</i>	<i>Этапы</i>
первый — 1917—1937 гг.	первый — 1917—1923 гг.
второй — 1938—1959 гг.	второй — 1924—1934—1936 гг.
третий — 1959 г. —?	третий — 1934—1956 гг.
	четвертый—1953—1956 гг. —?

Хотя М. В. Нечкина и подчеркивает, что каждый из «крупных основных периодов подразделяется в свою очередь на более дробные внутренние этапы, представляющие в своей совокупности конкретную и более детализированную периодизацию истории советской исторической науки» (стр. 81), на самом же деле в ее статье имеются две независимые одна от другой периодизации. Хотя первую из них (находящуюся в нашей табличке слева) М. В. Нечкина называет основной, в действительности вся статья посвящена характеристике второй. Периоды лишь названы в статье, тогда как этапам дана более или менее развернутая характеристика. Поэтому-то, сколько бы ни вчитывался в статью, все равно не узнаешь, чем отличалось развитие советской исторической науки в первом периоде от ее развития во втором, и почему 1959 г. считается годом ее вступления в новый, третий период. Больше того, то, что сказано об «основных крупных периодах» в статье, может лишь заронить сомнение: а были ли вообще в истории исторической науки эти периоды? Возникает и такой вопрос: почему периодизацию по этапам М. В. Нечкина считает «более детализированной»? Чем «детализированнее», например, третий этап по сравнению со вторым периодом?

С периодизацией, предложенной М. В. Нечкиной, трудно согласиться как из-за явной недооценки ею крупных периодов, так и вследствие того, что эта периодизация не фиксирует внимания на целом ряде моментов, имевших чрезвычайно важное значение в развитии советской историографии.

Нам представляется бесспорным, что историю советской исторической науки можно разбить на два крупных периода: первый — 1917—1934 гг., второй — 1935 г.— наши дни. Первый период, почти полностью совпадаю-

щий с переходным периодом от капитализма к социализму, был временем ожесточенной идейной борьбы на историческом фронте. Тогда не было и не могло быть единой исторической науки. Многоукладность экономики, наличие эксплуататорских классов и мелкобуржуазного крестьянства создавали социально-экономические условия для существования буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Буржуазная и мелкобуржуазная историография на первых порах была даже в более выгодном положении, чем только что появившаяся советская историческая наука — она располагала сравнительно многочисленными кадрами, державшими в своих руках университетские кафедры, а также научные учреждения и всевозможные издательства. Но молодая советская историческая наука пользовалась с самого начала безграничной поддержкой Советского государства, Коммунистической партии и всей советской общественности. Благодаря этой поддержке она могла не только успешно разворачивать борьбу против враждебных течений в исторической мысли (являвшуюся неотъемлемой частью борьбы рабочего класса против свергнутой, но недобитой буржуазии), но и одерживать победы над буржуазной и мелкобуржуазной историографией, шаг за шагом оттесняя ее с решающих позиций исторического фронта. Именно в этой острой борьбе формировались методологические основы советской исторической науки, вырабатывалась ее концепция.

Борьба в исторической науке осложнялась рядом объективных трудностей. Экономическая слабость нашей страны ограничивала Советское государство в выделении средств, необходимых для развития науки. Кроме того, ощущался острый недостаток кадров научных работников, а низкий культурный уровень населения, в особенности трудящихся слоев, серьезно замедлял процесс их подготовки. Разумеется, не на всех этапах первого периода эти трудности сказывались с одинаковой силой. По мере того как молодое Советское государство крепло и набирало силы, их влияние становилось все меньшим и меньшим. Но в пределах первого периода они все же преодолены до конца не были. Особую трудность создавала слабость теоретической подготовки подавляющей массы историков-марксистов. Ряды их неуклонно росли как за счет подготовки новых кадров через институты красной профессуры, РАНИОН и другие каналы, так и за счет постоянно происходившего перехода на сторону марксистской историографии передовых представителей старой науки. Однако теоретическая подготовка многих и многих историков даже в конце 20—начале 30-х годов продолжала оставаться на весьма низком уровне, что не могло не сказываться самым отрицательным образом на всей их практической работе, в особенности на идейном уровне борьбы с мелкобуржуазной историографией, очень часто прикрывавшейся марксистской фразеологией.

По сути дела, серьезная работа историков по овладению ленинским наследием началась не ранее середины 20-х годов, когда вышли первое, а затем и второе издание сочинений В. И. Ленина. Не все историки с одинаковой активностью включились в эту работу. Поэтому должно было пройти еще немало лет, чтобы могли сказаться ее практические результаты. А до тех пор по причине слабой теоретической подготовки историков-марксистов допускалось немало уступок чуждой рабочему классу идеологии, причем иногда эти уступки носили весьма серьезный характер. Вот лишь один из фактов. В 1928 г. В. Невский свое предисловие к третьему изданию «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» бывшего меньшевика Н. А. Рожкова целиком посвятил обоснованию той мысли, что ее автор является историком-марксистом. «Можно... не соглашаться с покойным Н. А. Рожковым во многих выводах..., — писал Невский, — но нельзя не отдать справедливости в том, что Рожков нигде в своей работе не отклоняется от путеводной нити учения Маркса».

нигде не становится эклектиком, всюду остается историком и социологом марксистом, стало быть, материалистом-монистом, признающим закономерность общественных явлений»².

Душой первого периода в развитии советской исторической науки был М. Н. Покровский. В первые годы Советской власти он являлся одним из немногих профессиональных историков среди большевиков. Широта эрудиции, яркий литературный талант, кипучая энергия и завидная работоспособность очень скоро превратили его в самую крупную фигуру исторического фронта. Он писал книги, читал лекции, выступал с руководящими докладами, стоял во главе ряда исторических журналов, возглавлял Социалистическую, а затем и Коммунистическую академии, был ректором Московского института красной профессуры и председателем Всероссийского, а затем и Всесоюзного общества историков-марксистов, занимая в то же время пост заместителя наркома просвещения и председателя ГУСа. Конечно, то исключительное положение, в котором находился М. Н. Покровский, объяснялось не только его личными качествами, но и острым недостатком кадров. Однако, как бы там ни было, оно позволяло ему оказывать решающее влияние на все стороны развития исторической науки — на идейное направление и характер научно-исследовательской работы, подготовку кадров, пропаганду исторических знаний и т. д. и т. п.

Оценивая теперь разностороннюю деятельность М. Н. Покровского, нельзя не признать, что она была плодотворной и носила безусловно прогрессивный характер. Он горячо и страстно боролся против буржуазной историографии, за внедрение марксистской методологии и исторической концепции. Превосходный полемист, он умел лучше, чем кто бы то ни было, метким словом сразить идейного противника, сорвать фальшивую маску объективности с буржуазных историков, обнажить классово-буржуазную сущность их исторических концепций, вместе с тем он обладал удивительной способностью крупными штрихами, в яркой и увлекательной форме набросать иную схему исторического развития. Эти качества М. Н. Покровского как нельзя лучше отвечали духу времени, когда нужно было разрушить державшуюся в течение веков веру в объективность дворянско-буржуазной историографии и противопоставить новое, пусть еще не очень зрелое, понимание исторического процесса.

Однако у М. Н. Покровского были не только сильные, но и слабые стороны. Хотя он вполне искренне считал себя марксистом, в его мировоззрении было немало идей, глубоко чуждых этому учению. Он так и не смог до конца жизни полностью освободиться от влияния экономического материализма, богдановщины и других антимарксистских воззрений. Многие в марксистской теории и методологии он не понимал или понимал крайне поверхностно и упрощенно. Ему так и не удалось постигнуть, например, всей глубины марксистского учения о развитии социально-экономической формации, как естественно-историческом процессе, он упрощенно понимал механику воздействия производительных сил на различные стороны исторического развития; у него не было должной ясности в осмыслении марксистского учения о классах и классовой борьбе и т. д. и т. п. Но самая большая беда М. Н. Покровского заключалась в том, что он проглядел (каким бы странным ни казалось это выражение) ленинский этап в развитии марксизма. Все это не могло не влиять и на его практическую работу. Именно М. Н. Покровский оказался основоположником многих ошибочных взглядов, получивших в 20-х годах широкое распространение среди историков-марксистов. Оши-

² Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 1, стр. 3. (Подчеркнуто мной.— М. Н.).

бочной была и вся его историческая концепция, покоившаяся на мертвой, схоластической схеме торгового капитализма. Он не смог в своем историческом мировоззрении сочетать пролетарский интернационализм с советским патриотизмом, что обусловило одну из его вреднейших ошибок, состоящую в пренебрежительном отношении к прошлому русского народа. Историческая концепция М. Н. Покровского проникнута духом национального нигилизма. Само собой разумеется, что ошибки М. Н. Покровского оказывали отрицательное влияние на развитие советской исторической науки, причем это влияние было тем большим, чем выше был его авторитет.

Таким образом, первый период в развитии советской исторической науки был своего рода переходным, — она делала первые шаги, которые всегда бывают наиболее трудными. Плутая по тропинкам и проселкам, она не сразу вышла на широкую дорогу. Лишь в конце этого периода советская историография все более определенно и уверенно сворачивала на эту дорогу, хотя выйти на нее смогла лишь во втором периоде.

В отличие от М. В. Нечкиной, мы в хронологических рамках первого периода различаем не два, а три этапа: 1917—1923, 1924—1927, 1928—1934. Границы первого этапа те же, что и в статье М. В. Нечкиной. Однако в ее характеристике этого этапа недостает ряда чрезвычайно важных моментов. Прежде всего, не подчеркнута та мысль, что содержанием первого этапа было превращение марксистского направления в русской историографии, развивавшегося в дореволюционные годы в нелегальных условиях, в официальное направление историографии, в советскую историческую науку. Исходным моментом этого процесса явилась победа Великой Октябрьской революции. Пролетарская революция, с одной стороны, обнажив несостоятельность буржуазных исторических концепций, обусловила идейное банкротство буржуазной и мелкобуржуазной историографии, с другой, — дав неопровержимое подтверждение истинности марксистской концепции русской и всемирной истории, открыла широчайшие возможности для ее дальнейшего развития и обогащения.

На первом этапе молодой советской науке пришлось вступить в ожесточенную борьбу не только с буржуазной, но и с мелкобуржуазной историографией (в лице меньшевистских и эсеровских историков и публицистов). Решающую роль в идейном разгроме этой историографии сыграл В. И. Ленин. Десять томов ленинских трудов, относящихся к 1917—1923 гг., составляют основное наследие первого этапа.

Наконец, необходимо совершенно четко и ясно сказать, что на этом первом этапе, этапе своего становления советская историческая наука восприняла не ленинскую историческую концепцию, а концепцию М. Н. Покровского, которая, бесспорно, будучи большим шагом вперед по сравнению с буржуазной историографией означала шаг назад по сравнению с ленинской концепцией.

Десятилетие 1924—1934 гг. М. В. Нечкина выделила во второй этап. Однако, если внимательно вчитаться в данную ею характеристику этого этапа, нетрудно заметить, что речь, в сущности, идет о двух различных этапах, хотя их хронологические рамки и не указаны. И это не случайно, так как развитию исторической науки, скажем, в начале 30-х годов были присущи совсем иные черты, чем в середине 20-х годов. Очевидно, 1924—1927 гг. и нужно выделить в особый, второй по счету, этап. Его основное содержание можно охарактеризовать пятью главными моментами: борьба против троцкистских фальсификаторов истории, консолидация историков-марксистов, возникновение «школы» М. Н. Покровского, идейный и политический разгром троцкизма, приступ историков к освоению историографического наследия В. И. Ленина.

В 1924 г. перед советской исторической наукой появился новый идейный противник — троцкизм. Известно, что троцкизм имел свою ан-

тиленинскую историческую концепцию, которая должна была служить как бы научной основой его враждебной ленинизму политической платформы. Эта концепция была изложена Троцким в предисловии к первому тому, а также в первых трех томах его собрания сочинений. Хотя первые два тома были изданы в 1922—1923 гг., подлинное звучание их определилось лишь в 1924 г., после выхода третьего тома, в котором в качестве введения были напечатаны пресловутые «Уроки Октября». Борьба против троцкизма на историческом фронте являлась неотъемлемой частью той острой идейной борьбы, которая развернулась в рядах Коммунистической партии и имела существенное значение не только в научном, но и в политическом отношениях. В ходе этой борьбы появился ряд выдающихся работ И. В. Сталина («Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К вопросам ленинизма» и др.), которые оказали большое влияние на разработку ряда научных проблем, в первую очередь связанных с историей Великой Октябрьской социалистической революции.

Острая идейная борьба внутри КПСС способствовала также сплочению и консолидации марксистских сил на историческом фронте, что нашло свое выражение в создании Всероссийского общества историков-марксистов. А это, в свою очередь, содействовало идейному росту научных кадров, расширению масштабов научно-исследовательской работы, выдвижению новых научных проблем и т. д. и т. п.

Активное участие М. Н. Покровского в борьбе с троцкизмом на историческом фронте способствовало дальнейшему росту его авторитета среди историков, которые видели в нем своего идейного руководителя. Мало-помалу складывается «школа» М. Н. Покровского. На первых порах кадры ее составили выпускники Института красной профессуры, испытавшие сильное влияние М. Н. Покровского еще во время своего пребывания в стенах ИКП. Впоследствии, по мере того как выходило все больше и больше книг М. Н. Покровского (а в эти годы были изданы почти все его работы, не только послеоктябрьского, но и дореволюционного периода), а пропаганда его взглядов через периодические и иные издания приобретала все больший размах, — к «школе» стали примыкать и более широкие круги историков, разделявших исторические взгляды ее идейного руководителя. Вероятно, немаловажную роль в формировании этой «школы» сыграло Общество историков-марксистов, которое в известном смысле и с некоторыми оговорками можно рассматривать как своего рода организационное оформление «школы» Покровского.

Таким образом, в течение второго этапа советская историческая наука в борьбе с троцкизмом значительно укрепила свои позиции на историческом фронте. Но, с точки зрения перспектив развития науки, особенно большое значение имело то, что именно в эти годы начала развертываться серьезная работа историков по освоению историографического наследия В. И. Ленина. Следы этой работы ясно видны во многих исследовательских и популярных работах, главным образом посвященных истории Великой Октябрьской социалистической революции. Рост теоретического уровня историков способствовал дальнейшему разворачиванию борьбы против буржуазной историографии, ряды сторонников которой к концу этого периода уже заметно поредели.

С 1928 г. советская историческая наука вступила в третий этап своего развития, который продолжался до конца первого периода. Основное содержание этого этапа составляет борьба против исторических взглядов правых капитулянтов и буржуазных националистов типа Яворского на Украине и др. Наиболее ярким ее выражением явились дискуссии конца 20-х и начала 30-х годов. Хотя М. Н. Покровский и его «школа» сохраняли по-прежнему господствующее положение на историческом фронте, тем не менее с конца 20-х годов стали все чаще и сме-

лее звучать голоса, критикующие его взгляды с позиций ленинизма. Правда, критике подвергалась пока еще не вся историческая концепция Покровского, а лишь некоторые из ее сторон. Но это было существенным шагом вперед, который свидетельствовал о бесспорном росте теоретического уровня историков. Любопытно, что критику эту начали ученики Покровского, изучавшие труды В. И. Ленина под его же руководством. Но ученики переросли своего учителя. Их молодой ум оказался более восприимчивым, чем ум М. Н. Покровского, загроможденный обрывками различных антимарксистских воззрений.

Следует подчеркнуть, что М. Н. Покровский не был враждебен ленинизму и его исторической концепции в частности. Он попросту не знал ее, а может быть даже и не подозревал о ее существовании. Если бы он знал в полном объеме ленинские взгляды на русскую историю, он, несомненно, не замалчивал бы их. Подтверждением этому служит интерес, который М. Н. Покровский проявлял к ленинским работам до конца своей жизни, и то, что он нередко соглашался с критикой в свой адрес, начинавшей разворачиваться на данном этапе. Многие критические замечания он воспринимал, вносил исправления в очередные издания «Русской истории в самом сжатом очерке», однако пересмотреть всю систему своих взглядов Покровский не смог. Поэтому критика становилась все острее, в особенности после его смерти. Притом следует подчеркнуть, что эта критика носила дружелюбный и доброжелательный характер.

Другую важную черту данного этапа составляет окончательная гибель буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Это было связано, в первую очередь, с глубокими переменами, происходившими в те годы в жизни страны. Некогда отсталая Россия на глазах превращалась в могучую индустриальную державу. Уже при осуществлении первого пятилетнего плана частный капитал был полностью вытеснен из промышленности и торговли, основная масса крестьянства объединилась в колхозы, кулачество — этот последний эксплуататорский класс — было ликвидировано. Социализм завоевывал одну позицию за другой, рушились последние надежды на реставрацию капитализма. В этих условиях среди буржуазной интеллигенции вообще, и среди историков в частности, обнаруживается не только интерес к происходящему в стране, но и желание участвовать в гигантской стройке. В их сознании происходят глубокие сдвиги. К концу этого этапа большая часть старой профессуры уже прочно стояла на марксистско-ленинских позициях. Буржуазная и мелкобуржуазная историография, лишившись социально-экономической базы и кадров, погибла окончательно и бесповоротно. Исторический фронт в СССР стал однороден, безраздельно господствующее положение заняла советская историческая наука.

Переход старой профессуры на позиции советской историографии повлек за собой серьезные перемены: значительно расширилась проблематика исследований, в особенности в части изучения ранних периодов истории нашей Родины (Б. Д. Греков, С. Б. Веселовский, С. В. Юшков и др.), повысился научный уровень работ советских историков, среди которых теперь имелись и весьма опытные исследователи; наконец, зарождалось и крепло творческое сотрудничество старых и молодых кадров.

Второй период в развитии советской исторической науки является периодом утверждения в ней безраздельного господства ленинской методологии и ленинской исторической концепции, а также развертывания на этой основе плодотворной научно-исследовательской работы по изучению отечественной и всемирной истории.

В условиях победы социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда в обществе не осталось никаких эксплуататорских классов, а следовательно, и социально-экономической основы для существования враждебных марксизму-ленинизму течений исторической мысли, борьба с ними переносится преимущественно за пределы

СССР. В то же время в полном объеме сохраняется непримиримость к пережиткам и рецидивам буржуазной идеологии внутри страны.

Второй период характеризуется значительным расширением задач, выдвигаемых перед исторической наукой. Вместе с тем она располагает и неизмеримо большими, чем в первый период, возможностями для их успешного решения. Быстрыми темпами растет численность исторических кадров, неуклонно повышается их научная квалификация, расширяется сеть научных учреждений, создаются институты истории в составе АН СССР, а затем и в республиканских академиях наук. Государство полностью обеспечивает потребности науки в денежных и разнообразных материальных средствах всемерно поощряет научную деятельность.

Используя эти благоприятные условия, советские историки развивают в небывало широком масштабе научно-исследовательскую работу по изучению самых разнообразных научных проблем. Прилагаются усилия к тому, чтобы подчинить всю работу единому плану, хотя приходится признать, что эта задача до сих пор полностью не решена. Ежегодно издаются в большом числе монографии, множество научно-популярных работ и статей. Широко практикуется коллективная разработка крупных научных проблем или истории целых исторических периодов, выходят монументальные обобщающие труды по отечественной и всемирной истории, наиболее наглядно демонстрирующие серьезные успехи, которых добилась советская историческая наука за сравнительно небольшой срок своего существования.

Характерной чертой второго периода является укрепление и развитие советской исторической науки в союзных и автономных республиках, благодаря чему советская историография приобретает многонациональный характер. Результатом широкой научно-исследовательской работы, развернувшейся в национальных республиках, явилось создание истории всех наиболее крупных народов нашей страны, а также многих мелких народов, в том числе и таких, которые еще в недавнем прошлом не имели даже письменности.

Однако было бы ошибкой не замечать и некоторых отрицательных черт, характерных для развития советской исторической науки во второй период. В годы Великой Отечественной войны и вскоре после нее имели место рецидивы буржуазно-националистической идеологии, в отдельных исторических исследованиях были отмечены элементы буржуазного объективизма, наблюдались случаи проникновения в историческую литературу идей буржуазного космополитизма. В работах некоторых историков присутствовали элементы догматизма, субъективизма и волюнтаризма. Отрицательное влияние на развитие советской исторической науки оказывал культ личности.

Огромное значение для развития советской исторической науки имеет XX съезд КПСС, решения которого явились исходным моментом нового подъема научно-исследовательской работы по всем периодам отечественной и всемирной истории.

Во втором периоде вполне отчетливо различимы четыре этапа: 1935—1940 гг., 1941—1945 гг., 1946—1956 гг., 1956 г.— наши дни.

Первый этап был подготовлен всем предшествующим развитием советской исторической науки, когда были созданы необходимые условия и предпосылки для утверждения в советской исторической науке безраздельного господства ленинской методологии и ленинской исторической концепции. Однако к середине 30-х годов сложились не только условия для осуществления подобного скачка в развитии науки, но были и обстоятельства, требовавшие безотлагательного решения этой задачи. К тому времени социализм в основном победил в нашей стране. В тогдашних условиях исключительное значение приобрела борьба с пережитками капитализма в сознании людей, тормозившими дальнейшее

строительство социализма. Но для того, чтобы успешно вести эту борьбу, нужно было отстоять марксистско-ленинское мировоззрение от всяких извращений и вульгаризаторства, допущенных в прежние годы. Борьба за чистоту марксистско-ленинской теории развернулась на всех участках идеологического фронта, и повсюду ее возглавлял ЦК КПСС.

Непременным условием утверждения господства ленинизма на историческом фронте являлось преодоление влияния взглядов М. Н. Покровского и его «школы». В борьбе с ошибочными взглядами М. Н. Покровского, за утверждение ленинской исторической концепции в советской историографии и состоит основное содержание первого этапа. Начало этой борьбе положило известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школе. Затем постепенно в нее втянулись широкие круги научной общественности. На научных конференциях и в печати вскрывались ошибки М. Н. Покровского в освещении тех или других вопросов русской истории, а также излагались ленинские взгляды по этому поводу. Одновременно развернулась работа по созданию новых учебников для начальной, средней и высшей школы, которые были бы свободны от ошибок М. Н. Покровского.

ЦК КПСС непосредственно возглавлял эту борьбу. В 1938 г. под редакцией созданной им комиссии был издан Краткий курс истории ВКП(б), сыгравший в свое время важную роль в борьбе со «школой» М. Н. Покровского и в утверждении ленинской концепции ряда наиболее острых в политическом отношении периодов русской истории — периодов империализма, Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР.

Критика М. Н. Покровского и необходимость подготовки целой серии учебников по истории обусловили дальнейший подъем научно-исследовательской работы, которая, более или менее равномерно охватывая все исторические периоды, велась на основе марксистско-ленинской методологии и ленинской концепции русского исторического процесса, в виду чего дала весьма ощутимые результаты.

Замечательным итогом развития советской исторической науки на данном этапе явилось вытеснение из нее ошибочных исторических взглядов М. Н. Покровского и утверждение безраздельного господства ленинской концепции русского исторического процесса, впервые получившего развернутое изложение в вузовском учебнике по истории СССР, вышедшем в 1939—1940 гг. Издание его завершает первый этап.

Нечего и говорить, какое огромное значение для дальнейшего развития советской исторической науки имела эта победа. Начавшийся вслед за ней подъем научно-исследовательской работы был прерван вероломным нападением на СССР фашистской Германии.

Второй этап полностью совпадает с периодом Великой Отечественной войны. М. В. Нечкина не выделяет годы Великой Отечественной войны в особый этап развития советской историографии. Конечно, война не могла изменить ни методологии, ни концепций, которых придерживались советские историки. Но война оказала чрезвычайно большое влияние на характер проблематики, разрабатывавшейся историками нашей страны в 1941—1945 гг., а также на размах научно-исследовательской работы по истории СССР и всеобщей истории в эти годы. Этих двух обстоятельств, как нам кажется, вполне достаточно для того, чтобы выделить период Великой Отечественной войны в особый этап развития советской исторической науки.

Центральное место в исследованиях советских историков на данном этапе заняла военно-историческая проблематика, почти не привлекавшая их внимания в предшествующие годы. В создании работ, посвященных героической борьбе русского народа за свою независимость в различные исторические эпохи, доблести русских воинов, мужеству и талан-

там русских полководцев, участвовали лучшие силы, какими только располагала тогда наша историческая наука.

Вместе с тем советские историки в годы Великой Отечественной войны разрабатывали разнообразные проблемы, связанные с историей русской культуры, русской государственности, освободительной борьбы и т. д. Разоблачение несостоятельности норманской теории, поднятой на щит фашистскими историками, исследование самобытного происхождения русской культуры и русской государственности, раскрытие патриотических подвигов, выдающихся борцов за свободу и независимость нашей Родины, развенчание легенд об отсталости русского военного искусства — таковы лишь некоторые из важнейших проблем, поставленных в этих работах, сыгравших большую роль в преодолении того национального нигилизма в отношении русского и других народов нашей страны, который пронизывал всю историческую концепцию М. Н. Покровского. Одновременно советская историческая наука активно участвовала в разоблачении человеконенавистнического характера фашистской идеологии.

Послевоенное десятилетие 1946—1956 гг. составляет третий этап. Этого этапа также нет в статье М. В. Нечкиной, хотя правомерность его выделения не подлежит никакому сомнению. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что именно в те годы монография стала основной формой исследования — факт, который уже самим своим существованием красноречиво говорит о глубоких сдвигах в развитии советской историографии. Между тем это далеко не единственная, и может быть, не самая главная черта данного этапа.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны послужило стимулом для небывалого трудового и политического подъема, охватившего все слои советского народа. Отражением этого подъема явился необычайно широкий размах научно-исследовательской работы в области как отечественной, так и всемирной истории. Никогда прежде историки Советского Союза не разрабатывали одновременно такого множества научных проблем, как в послевоенные годы. Решительно все отрасли исторической науки обогатились множеством новых ценных исследований — Б. Д. Грекова, Н. М. Дружинина, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, М. В. Нечкиной, Е. В. Тарле, Л. В. Черепнина, И. И. Смирнова, П. П. Смирнова и многих других историков старшего и младшего поколений.

Огромным достижением данного этапа является углубленное изучение истории советского общества. Были созданы монографические исследования по истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистического строительства. Появились первые работы по истории Великой Отечественной войны.

Были введены в научный оборот самые разнообразные новые источники. Среди них следует указать на данные археологических раскопок, достигших в эти годы чрезвычайно широкого размаха. Заслуживает быть отмеченным открытие А. В. Арциховским нового исторического источника — берестяных грамот, найденных при раскопках древнего Новгорода.

Таким образом, это десятилетие в истории советской исторической науки было наиболее плодотворным. Именно в 1946—1956 гг. в полном объеме раскрылись величайшие преимущества советской исторической науки, прочно опирающейся на гранитный фундамент марксистско-ленинской методологии.

Однако на фоне бесспорных успехов, достигнутых советской историографией в послевоенные годы должны быть отмечены и некоторые отрицательные моменты, оказывавшие неблагоприятное влияние на ее развитие, — рецидивы буржуазно-националистических и космополитических идей, буржуазного объективизма. Эти явления сигнализировали о том, что историческая наука в нашей стране по-прежнему остается ареной острой идеологической борьбы, ибо в мире еще существует глубо-

ко враждебная ей буржуазная историография, которая стремится использовать любую возможность, чтобы помешать успешному движению советской исторической науки вперед.

Именно в послевоенное десятилетие 1946—1956 гг. советская историческая наука в наибольшей степени испытала отрицательное влияние культа личности, который сковывал творческую мысль исследователей и создавал благоприятные условия для догматизма, субъективизма, начетничества, получивших известное проявление в практике научно-исследовательской работы некоторых историков.

Если, несмотря на все указанные выше отрицательные моменты, советская историческая наука добилась в течение послевоенного десятилетия серьезных успехов, то это красноречиво говорит о том, что она вступила в период своей зрелости и обладает поистине неисчислимым запасом потенциальных сил. Исторический XX съезд КПСС, подвергнув критике культ личности, тем самым открыл широкое поприще для творческого применения этих сил в соответствии со стремлениями и склонностями каждого историка. Вот почему решения этого съезда мы считаем началом нового, четвертого этапа в развитии советской исторической науки, который продолжается и в настоящее время. Прошедшее после XX съезда пятилетие ознаменовалось новым творческим подъемом. Еще шире раздвинулись рамки научно-исследовательской работы, еще выше поднялся ее идейный уровень, еще глубже стало ее содержание. Творческая мысль выдвинула десятки новых научных проблем, на которых не останавливалось внимание историков в прежние годы.

Подъем исторической науки в СССР после XX съезда КПСС нашел свое выражение в создании нового учебника по истории Коммунистической партии Советского Союза, в издании новых вузовских учебников по истории СССР, новой и новейшей истории, по истории южных и западных славян, стран Востока и др., в издании ряда обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Китая, США и других стран, в том, что с каждым годом выходит все больше и больше монографий по самым разнообразным вопросам отечественной и всемирной истории, наконец, в факте издания монументального обобщающего труда по всемирной истории в десяти томах.

Замечательной особенностью последних лет является принявшее небывало широкий размах издание документальных публикаций, в особенности по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР, создающее предпосылки для дальнейшего подъема научно-исследовательской работы.

* * *

Настоящая дискуссия — важный шаг в разработке истории исторической науки. Она должна сыграть большую роль в решении целого ряда важных проблем, имеющих принципиальное значение для исторической науки. К сожалению, приходится констатировать, что до сих пор дискуссия разворачивается недостаточно активно. Нужно принимать все меры к ее оживлению и никоим образом не спешить с ее закрытием. Хорошо бы добиться того, чтобы в нее включились и другие исторические журналы. Они могли бы помещать на своих страницах статьи, посвященные истории разработки в СССР всех отраслей исторической науки. Такого рода статьи, расширяя фактическую базу для решения проблемы периодизации, могли бы иметь серьезное значение в накоплении конкретно-исторического материала, необходимого для создания истории самой исторической науки.

